

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
<i>Александра Борисенко</i> Золотой век британского детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
Энтони БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
Рональд А. НОКС	207
Методом пристального взгляда	209
Лорд ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
Лоэль ЙЕО	235
Дознание	237
Дороти СЭЙЕРС	255
Убийство в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
Генри УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд	305
Найо МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард Кеверн	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас Бентли	553
Бдительный ювелир	555
Энтони Гилберт	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан Томас	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Соськин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Соськина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Люис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные описания и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые–тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Соськин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Соськина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

“Слейд”, но в конце концов никакого высшего учебного заведения не закончил и во всех многочисленных сферах своей деятельности оставался дилетантом.

Однако дилетантом он был упорным, плодовитым и весьма разносторонним. С начала XX века он вел колонки в нескольких печатных изданиях; написал сотни стихотворений, ряд пьес, около 200 рассказов и 80 книг разного рода. Он проиллюстрировал портретами сборник юмористических стихотворных биографий (“клерихью”) своего друга Эдмунда Клерихью Бентли. С 1911 по 1936 год он редактировал и издавал серию альманахов, в которых бурно пропагандировал свои взгляды.

Большую часть литературного наследия Честертона составляют произведения, посвященные двум вечно занимавшим его темам — социальному устройству и религии. Его духовная и политическая эволюция близко следовала известному высказыванию, которое обычно приписывают Уинстону Черчиллю: “Если в 20 лет вы не либерал, у вас нет сердца; если в 40 лет вы не консерватор, у вас нет мозга”. К рубежу нулевых и десятых годов XX века Честертон окончательно освободился и от социалистических иллюзий, и от поздневикторианских идей “искусства для искусства”. Его зрелые взгляды выразились в таких программных сочинениях, как “Ортодоксия” (1908) и “Что стряслось с миром?” (1910). Тогда же появился и главный персонаж его детективных рассказов — маленький приходской священник отец Браун, все понимающий о природе человеческого зла.

Оценив результаты своих исканий, Честертон с некоторым удивлением осознал, что они в точности совпадают с христианской доктриной, выраженной в вероучении католической церкви: “Что может быть прекраснее, чем готовиться к открытию Нового Южного Уэльса и вдруг, залившись слезами счастья, осознать, что это на самом деле старый южный Уэльс”. Честертон до конца жизни оставался верным и последовательным католиком. Его духовное наследие — “Ортодоксия”, книга о Христе “Вечный человек” (1925), биография Фомы Аквинского (1933) — повлияло на религиозные взгляды многих современников, от Дороти Л. Сэйерс до К. С. Льюиса.

Эссе и книги Честертона на общественно-политические темы вырастали из его бурных и многословных дискуссий с друзьями, единомышленниками и идейными противниками. Главными его собеседниками на протяжении долгих лет были брат Сесил, поэт и историк Хилэр Беллок (их тесная дружба и сотрудничество удостоились от современников клички “Честербеллок”) и, конечно, Дж. Б. Шоу — они с Честертоном расходились во взглядах буквально по всем пунктам и при этом неизменно оставались доброжелательны друг к другу.

Когда Честертону изменял здравый смысл — главное оружие его могучего полемического аппарата, — его логика давала сбой, и сегодня читать его размышления о женской эмансипации или о “еврейском вопросе” стыдно и неловко. Справедливости ради следует отметить, что в вопросах жизни и смерти нравственное чувство его не подводило, и в 1930-е годы он поднял свой голос в защиту еврейского народа от гитлеровских репрессий.

Личная жизнь Честертона не была богата внешними событиями. В 1896 году он познакомился с Фрэнсис Блог, а спустя пять лет женился на ней (и немедленно купил револьвер, чтобы защищать молодую жену “от пиратов, которыми наверняка кишат пустоши Норфолка”). Их брак был гармоничен и счастлив. Честертон любил друзья, уважали враги, почитали современники. Он не отличался отменным здоровьем и умер в возрасте 62 лет. Проповедь на погребальной службе в Вестминстерском соборе прочитал его друг Рональд Нокс, католический священник и один из отцов-основателей Детективного клуба, первым председателем которого был Честертон. Писатель похоронен в одной могиле с женой (пережившей его на два года) на католическом кладбище в городе Биконсфильде.

“**ДЕРЕВЕНСКИЙ** вампир” — один из трех рассказов, не входящих ни в один из пяти детективных сборников об отце Брауне.

© В. Сонькин, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ДЕРЕВЕНСКИЙ ВАМПИР”
 БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ
 В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

THE VAMPIRE OF THE VILLAGE

//////////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1936. //////////////////////

— Не называйте свою деревню скучной.
Уверяю вас, это весьма примечательная деревня.

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

Деревенский вампи́р

Однажды по петляющей в холмах дорожке, там, где два тополя, подобно пирамидам, возвышаются над горсткой домиков крошечной деревушки Поттерс-Понд, шагал человек в плаще самого кричащего кроя и цвета — в ярко-лиловом плаще и белой шляпе на черных байронических кудрях, переходивших в надушенные бакенбарды.

Почему он был одет в старинный наряд, но при этом держался модником и чуть ли не щеголем — то была лишь одна из множества загадок, которые разгадали позже, разбираясь в хитросплетениях его судьбы. Суть же вот в чем: миновав тополя, он словно бы исчез, как будто растаял в неверном светлеющем блеске зари или был унесен порывом утреннего ветра.

Лишь неделю спустя его тело нашли за четверть мили оттуда, на камнях альпийской горки, в саду, который террасами поднимался к мрачному дому с закрытыми ставнями, известному под названием Грэндж. Слышали, что перед самым исчезновением путник вроде бы поругался

с какими-то прохожими, оскорбляя их деревню, называя окружающее мерзостью и даже помянув чей-то неполютый сад, якобы заросший бурьяном. Этим он, по общему мнению, воспламенил самые безудержные проявления деревенского патриотизма и в результате пал их жертвой. Во всяком случае, местный доктор установил, что по черепу покойного был нанесен сокрушительный и, вероятно, смертельный удар, — правда, оружием послужила всего лишь дубина или палка. Это хорошо согласовывалось с гипотезой о нападении свирепых мужланов. Между тем никому не удалось напасть на след какого-либо конкретного мужлана, и вердикт дознания гласил: “Убийство неизвестными лицами”.

Год или два спустя дело снова всплыло при занятных обстоятельствах. Череда событий привела некоего доктора Малборо, которого близкие звали Малинборо, вполне уместно намекая на плодово-ягодную округлость доктора и пурпурный оттенок его щек, прямоком в Поттерс-Понд. Он приехал туда на поезде в сопровождении товарища, к чьей помощи

нередко прибегал в подобных делах. Хотя наружность у доктора была несколько портвейновая и тяжеловесная, глаз у него был острый, да и вообще он не без оснований считал себя человеком в высшей степени благоразумным — например, он благоразумно прибегал к советам низенького священника по фамилии Браун, с которым познакомился давным-давно, расследуя одно отравление. Низенький священник сидел напротив доктора с видом терпеливого младенца, привыкшего слушать старших, а доктор подробно разъяснял истинные причины поездки:

— Я не могу согласиться с джентльменом в лиловом плаще, который назвал Поттерс-Понд мерзостью и утверждал, будто здесь все поросло бурьяном. Но, конечно, это весьма уединенная и отдаленная деревня, до такой степени, что это уже почти исторический курьез, как будто она застыла в эпохе столетней давности. Стряпчий здесь — настоящий стряпчий; ей-богу, не удивись, если увидишь, как он стряпает. Здешние леди — не просто леди. Это благородные дамы, а их фармацевт — не фармацевт, а шекспировский аптекар. Они признают право на существование обычного доктора, такого, как я, — ведь кто-то должен помогать аптекарю. Но на меня смотрят как на возмутительное новшество, потому что мне всего лишь пятьдесят семь, а в графстве я живу лишь двадцать восемь лет. По стряпчему можно предположить, что он там уже двадцать восемь тысяч лет. Еще есть старый адмирал, точь-в-точь как на иллюстрации к Диккенсу; его дом полон

кортиков и каракатиц и увенчан телескопом.

— Да-да, — сказал отец Браун, — некоторых адмиралов неизбежно выносит на берег. Я только никогда не мог понять, почему их выбрасывает так далеко от моря.

— Ни одно богом забытое местечко в сельской глуши не обходится без таких занятых существ, — сказал доктор. — Потом там, конечно, есть образцовый пастор, тори, приверженец Высокой церкви в духе замшелых канонов архиепископа Лауда*, строже самой строгой старушки. Такой седовласый ученый лунь, пугливый, как старая дева. Между прочим, благородные дамы, несмотря на свои пуританские взгляды, о многих вещах говорят без стеснения, как некогда настоящие пуритане. Раз или два я слышал, как старая мисс Карстэрс-Кэрю выражалась вполне по-библейски. Добрый старый пастор прилежно читает Библию, но я так и вижу, как он зажмуривается, доходя до подобных пассажей. Вы знаете, друг мой, что я человек несовременный. Мне не доставляет удовольствия весь этот джаз и гедонизм нынешней золотой молодежи...

— Он и золотой молодежи не доставляет удовольствия, — сказал отец Браун, — вот где трагедия-то.

— Но я все-таки не так оторван от жизни, как люди в этой доисторической деревне, — продолжал доктор, — и я дошел до того, что наш Большой

* Уильям Лауд (1573–1645) — архиепископ Кентерберийский, представитель так называемых "каролинских богословов" Высокой церкви, противник радикального пуританства. Поддерживал короля Карла I и был казнен в ходе английской революции.

Скандал показался мне почти желанным развлечением.

— Неужели золотая молодежь добралась до Поттерс-Понда? — с улыбкой поинтересовался отец Браун.

— Нет, у нас даже скандалы в духе старомодной мелодрамы. Нужно ли говорить, что все дело в пасторском сыне? Если бы у пастора был обыкновенный сын, в этом уже было бы нечто необыкновенное. Правда, пока, по моим наблюдениям, он проявляет свою необычность как-то слабо, я бы даже сказал — неуверенно. Впервые, его видели возле “Синего льва”, где он пил эль. Во-вторых, он вроде бы рифмоплет, а в здешних местах это считай что конокрад.

— Я полагаю, — сказал отец Браун, — даже в Поттерс-Понде это не тянет на Большой Скандал.

— Конечно, — серьезно ответил доктор. — Большой Скандал начался вот как. В доме под названием Грэндж, который стоит у дальнего конца Аллеи, живет леди. Одинокая леди. Ее зовут миссис Малтрэверс (хотя у нас в деревне склонны в этом сомневаться); приехала она только год или два назад, и никто про нее ничего не знает. Как говорит мисс Карстэрс-Кэрю, “и почему только ей вздумалось здесь жить — мы же к ней не ходим с визитами”.

— Может быть, именно поэтому, — сказал отец Браун.

— Ее уединение считается подозрительным. Их раздражает, что она хороша собой и что у нее, как говорится, есть стиль. Всех молодых людей предупреждают, что она вампирическая женщина.

— Люди, утратившие милосердие, как правило, утрачивают и логику, —

заметил отец Браун. — Довольно нелепо жаловаться, что она живет замкнуто, и тут же обвинять ее в желании обольстить все мужское население.

— Это правда, — сказал доктор. — И все же она загадочная особа. Я ее видел и был заинтригован — она из таких смуглых женщин, длинных, элегантных и притягательно-некрасивых, если вы понимаете, о чем я. Она весьма остроумна и сравнительно молода, но, по моим ощущениям, у нее есть — как бы это сказать? — опыт. То, что пожилые дамы называют Прошлым.

— А пожилые дамы, конечно, все до единой родились сию секунду, — сказал отец Браун. — Я вряд ли сильно ошибусь, если предположу, что ее считают соблазнительницей пасторского сына.

— Да, и бедный старый пастор принял это ужасно близко к сердцу... Ведь она, по слухам, вдова.

На лице отца Брауна промелькнула тень раздражения, что случилось нечасто.

— Она, по слухам, вдова, а пасторский сын, по слухам, пасторский сын, так же, как стряпчий, по слухам, стряпчий, а вы, по слухам, доктор. С какой же стати ей не быть вдовой? Есть ли у них хоть крупица доказательств *prima facie*, что она не та, за кого себя выдает?

Доктор Малборо пожал плечами и выпрямился.

— Конечно, вы и тут правы, — сказал он. — Но мы еще не дошли до скандала. Видите ли, в том-то и скандал, что она вдова.

— Ах, — сказал отец Браун и, изменившись в лице, пробормотал что-

то едва слышное, почти похожее на "боже мой".

— Во-первых, — сказал доктор, — они кое-что разузнали о миссис Малтрэверс. Она актриса.

— Я так и полагал, — сказал отец Браун. — Не важно почему. У меня есть и другое предположение, еще более неуместное.

— То, что она оказалась актрисой, само по себе довольно скандально. Бедный старый пастор, конечно, в отчаянии — ведь теперь актриса и авантюристка опозорит его седины и сведет его в могилу. Старые девы хором вопят. Адмирал признает, что иногда бывал в городском театре, но, по его словам, подобным явлениям не место в наших широтах. У меня, разумеется, нет таких предрассудков. Эта актриса, без сомнения, леди — пусть даже и Темная Леди, как в сонетах; молодой человек в нее безоглядно влюблен; я, как последний сентиментальный глупец, втайне сочувствовал заблудшему юноше, который тайком пробирается в Грэндж через валы и рвы, и представлял эту идиллию в самых пасторальных красках, но тут-то гром и грянул. И вот я, единственный, кто им сопереживал, послан, чтобы возвестить беду.

— Так, — сказал отец Браун, — и что же это за беда?

Доктор почти простонал в ответ:

— Миссис Малтрэверс не просто вдова, она вдова мистера Малтрэверса.

— В самом деле, чудовищное разоблачение, — признал священник.

— А мистер Малтрэверс, — продолжал его ученый друг, — не кто иной, как человек, которого, по всей види-

мости, убили в этой самой деревне год или два тому назад. Предполагалось, что ему разбил голову кто-то из местных.

— Я помню, вы мне рассказывали, — сказал отец Браун. — Доктор — какой-то доктор — сказал, что смерть наступила от удара дубиной по голове.

Доктор Малборо смущенно нахмурился, помолчал, потом сказал:

— Ворон ворону глаз не выклюет, и врачу негоже кусать врача, даже в состоянии бешенства. Я не хотел бы бросать тень на моего уважаемого предшественника в Поттерс-Понде, но я знаю, что вам можно доверить секрет. И строго между нами я скажу, что мой уважаемый предшественник в Поттерс-Понде был патентованный идиот и старый невежественный пропойца. Разобраться в деле меня попросил главный констебль графства (ведь в графстве я живу давно, только в деревне недавно) — проверить показания свидетелей, отчеты дознания и так далее. Там все совершенно ясно. Да, Малтрэверса ударили по голове; он был актер и проезжал через это местечко; наверняка в Поттерс-Понде считают, что естественный порядок вещей требует бить таких людей по голове. Но тот, кто ударил Малтрэверса по голове, не убил его — описанная травма в худшем случае лишила бы его сознания на несколько часов. Однако недавно я сумел раскопать другие относящиеся к делу факты, и выводы получились довольно мрачные.

Он посидел, хмурясь на проносящийся за окном пейзаж, после чего отрывисто сказал:

— Я еду туда и прошу вашей помощи, потому что предстоит эксгума-

ция. Есть очень сильное подозрение, что дело не обошлось без яда.

— А вот мы и приехали, — жизнерадостно сказал отец Браун. — То есть вы хотите сказать, что отравление несчастного входило в обязанности любящей жены.

— В этих краях больше никто не был с Малтрэверсом по-настоящему связан, — ответил Малборо, когда они вышли на перрон. — Здесь, правда, ошивается один странный тип, его давний дружок, промотавшийся актер; но полиция и местный стряпчий убеждены, что он просто неуравновешенный сплетник с навязчивой идеей о соре с каким-то своим врагом из актеров — но не с Малтрэверсом. Бродячее несчастье, я так вам скажу, и наверняка никакого отношения к отравлению не имеет.

Отец Браун выслушал этот рассказ. Но он знал, рассказ — это пустые слова, пока не увидишь его героя. Следующие два-три дня он провел, посещая под разными благовидными предложениями основных действующих лиц драмы. Его первая беседа — с таинственной вдовой — оказалась краткой, но поучительной. Он вынес из нее как минимум два факта: во-первых, миссис Малтрэверс порой высказывала мысли, которые викторианская деревушка могла счесть циничными, и, во-вторых, как многие актрисы, она принадлежала к той же конфессии, что и сам отец Браун.

У него хватало и логики, и здравого смысла, чтобы не выводить из одного этого факта ее непричастность к преступлению. Он хорошо знал, что его единоверцы подарили миру целую плеяду выдающихся отравителей. Но

он понимал, что из ее веры следует определенная интеллектуальная свобода, которую здешние пуритане назвали бы распущенностью и которая в этом патриархальном уголке старой доброй Англии казалась опасным вольнодумством. Как бы то ни было, он убедился, что дама способна на многое — как дурное, так и доброе. Ее карие глаза смотрели смело, почти воинственно, а большой насмешливый рот заставлял думать, что каковы бы ни были ее намерения относительно поэтического пасторского сына, укоренились они весьма глубоко.

Между тем сам поэтический пасторский сын, с которым отец Браун, к большому возбуждению всей деревни, побеседовал на скамейке прямо перед "Синим львом", был погружен в глубокую хандру. Харрел Хорнер, сын преподобного Сэмюэля Хорнера, был коренастый молодой человек в светло-сером костюме и бледно-зеленом галстуке, намекавшем на артистические наклонности, примечательный главным образом копной каштановых волос и неизменно кислой физиономией. Однако отец Браун умел заставить людей весьма многогловно объяснять, почему они не скажут ему ни единого слова. Когда речь зашла о злостных деревенских сплетнях, молодой человек разразился потоком брани. Он даже добавил кое-какие злостные сплетни от себя. Он ядовито упомянул о якобы имевшем место флирте между пуританкой мисс Карстертс-Кэрю и мистером Карвером, стряпчим. Он даже обвинил служителя правосудия в попытке навязать свое общество миссис Мал-

трэверс. Но о собственном отце, то ли из вымученной благопристойности и сыновнего благочестия, то ли оттого, что гнев его был слишком силен, он проронил лишь несколько скупых слов.

— Что тут скажешь. Он непрестанно кричит о том, что она прожженная авантюристка, крашенная трактирщица. Я говорю ему, что это не так; вы сами ее видели и знаете, что это не так. Но он видеть ее не хочет. Даже на улице, даже глянуть на нее в окно. Актриса, мол, осквернит его дом и его сан. Если его назвать пуританином, он скажет, что гордится званием пуританина.

— Ваш батюшка, — сказал отец Браун, — может с полным правом требовать уважения к своим взглядам, каковы бы они ни были; я такие взгляды понимаю довольно плохо. Но я согласен, что не в его власти выносить вердикт даме, которую он никогда не видел, и даже взглянуть на нее отказывается, чтобы проверить свои выводы. Это нелогично.

— В этом он непоколебим, — ответил юноша. — На пушечный выстрел к ней не подойдет. Прочие мои театральные пристрастия он тоже, конечно, осуждает.

Отец Браун немедленно воспользовался открывшейся в разговоре лазейкой и выяснил многое из того, что хотел узнать. Пресловутая поэзия, омрачавшая репутацию молодого человека, оказалась почти без исключения поэзией драматической. Он написал несколько стихотворных трагедий, которые удостоились похвал знатоков. Он не был обезумевшим от театра глупцом; собственно, он во-

обще не был глупцом. У него оказались весьма оригинальные взгляды на то, как ставить Шекспира, и неудивительно, что появление яркой личности в Грэндже вызвало у него упоение и восторг. Доброжелательное внимание священника растопило сердце поттер-пондского бунтаря настолько, что на прощание он даже улыбнулся.

Эта улыбка внезапно убедила отца Брауна, что молодой человек в беде.

Пока он хмурился, его хандру можно было счесть показной; но улыбка почему-то приоткрывала глубины настоящей скорби.

Разговор с деревенским поэтом не давал покоя священнику. Внутренний голос подсказывал, что цветущего молодого человека жожет тоска и эта тоска серьезнее, чем даже заурядная история про заурядных родителей, которые ставят препоны на пути большой любви. Загадка была тем сложнее, что иных явных причин как будто не было. Юноша уже добился успеха на литературном и театральном поприще; его книги рас-

ходились довольно бойко. Он не пил и не проматывал семейный капитал. Скандальные попойки в “Синем льве” на поверку ограничивались одной кружкой легкого эля, и с деньгами он, судя по всему, обращался бережливо. Отец Браун сопоставил обширные доходы Харрела с его скромными расходами, сделал осторожный вывод и помрачнел.

В ходе состоявшейся немногим позже беседы мисс Карстэрс-Кэрю не пожалела для пасторского сына самых темных красок. Но поскольку в своем негодовании она обвиняла его в таких грехах, которых, по убеждению отца Брауна, за молодым человеком уж точно не водилось, он списал ее отзыв на привычное сочетание пури-

Эта улыбка внезапно убедила отца Брауна, что молодой человек в беде.

танства и ханжества. Дама держалась величественно, но весьма любезно и предложила гостю небольшой стакан портвейна и кусок пирога с тмином, как делают престарелые двоюродные бабушки, и уж только потом ему удалось сбежать с начавшейся пропове-

ди о всеобщем падении нравов и попрании приличий.

Совершенно иным был его следующий пункт назначения — он свернул в темный и грязный проулок, куда мисс Карстэрс-Кэрю не последовала бы за ним даже мысленно, а затем вошел в узкое строение, чердак которого оглашался пронзительной декламацией. Вышел он оттуда на тротуар с изумленным выражением лица, преследуемый крайне возбужденным человеком с синевой на подбородке, в черном сюртуке, выгоревшем до цвета бутылочного стекла. Человек этот настойчиво кричал:

— Он не пропадал! Малтрэверс никуда не пропадал! Он появился — он появился мертвым, а я появился живым! Но где остальная труппа? Где этот человек, это чудовище, тот, кто бессовестно украл мои реплики, испоганил мои коронные сцены и погубил мою карьеру? Лучше меня не было Тубала на подмостках! Он играл Шейлока — для этой роли ему сильно стараться не приходилось! Он загубил лучшую роль в моей карьере! Я могу показать вам вырезки из газет — обо мне в роли Фортинбраса...

— Я не сомневаюсь, что это восторженные и совершенно заслуженные отклики, — пробормотал низенький священник. — Мне казалось, труппа покинула деревню до гибели Малтрэверса. Но неважно, неважно. — И он торопливо двинулся прочь.

— Он должен был играть Полония, — продолжил за его спиной неутомимый оратор.

Отец Браун внезапно остановился как вкопанный.

— Вот как, — сказал он очень медленно, — он должен был играть Полония.

— Негодяй Хэнкин! — вскричал актер. — Ступайте по его следу. Ступайте за ним на край света! Конечно, он покинул деревню — это уж точно. Ступайте за ним — найдите его — и да будет проклят... — но священник снова заторопился.

За этой мелодраматической сценой последовали две гораздо более прозаические и по-своему более деловые беседы. Сначала священник отправился в банк, где на десять минут уединился с управляющим; потом он нанес визит вежливости пожилому и добродушному пастору. Там все оказалось в точности соответствующим описанию — неизменным и, похоже, неизменяемым; кое-что свидетельствовало о привязанности хозяина к более аскетическим традициям — простое распятие на стене, большая Библия на полке и приветственная стариковская иеремиада по поводу нарастающего пренебрежения днем воскресным; однако все это — со старомодной учтивостью, утонченной и по-своему приятной.

Пастор тоже предложил гостю стакан портвейна, но сопроводил его древним британским печеньем, а не пирогом с тмином. У священника опять возникло странное впечатление, что все вокруг слишком уж совершенно и что он попал в минувшее столетие.

Только в одном вопросе добродушный старый пастор отказался стать еще добродушнее; он вежливо, но твердо заявил, что совесть не позволяет ему встречаться с лицедея-

*Человек этот настойчиво кричал:
— Он не пропал! Малтрэверс никуда не пропал!*

У священника опять возникло странное впечатление, что все вокруг слишком уж совершенно и что он попал в минувшее столетие.

ми. Отец Браун допил свой портвейн с изъявлениями признательности и благодарности и отправился на встречу со своим другом, доктором, на углу улицы, как и было уговорено, а оттуда они вместе пошли в контору мистера Карвера, стряпчего.

— Я полагаю, вы совершили свой утомительный обход, — начал доктор, — и нашли нашу деревню крайне скучной.

Ответ отца Брауна был резок, почти пронзителен:

— Не называйте свою деревню скучной. Уверяю вас, это весьма примечательная деревня.

— Пожалуй, на моей памяти здесь произошло одно-единственное примечательное событие, — заметил доктор Малборо. — Но даже оно случилось с чужаком. Хочу сообщить вам, что прошлой ночью тело без лишнего шума эксгумировали, а наутро я произвел вскрытие. Прямо скажем, мы вырыли труп, буквально нафаршированный отравой.

— Труп, нафаршированный отравой, — довольно рассеянно повторил отец Браун. — Поверьте, в вашей деревне есть кое-что куда более примечательное.

Внезапно наступившую тишину столь же внезапно прервал резкий звук — это доктор дернул старинную сонетку на крыльце стряпчего. Гостей препроводили к знатоку законов, а он, в свою очередь, представил их седовласому господину, чье желтое лицо пересекал шрам, — как оказалось, это и был Адмирал.

К этому времени низенький священник подсознательно уже вполне проникся атмосферой деревни, но

сознанием он понимал, что этот адвокат — как раз такой стряпчий, которому пристало быть советником мисс Карстэрс-Кэрю. Однако, будучи древним реликтом, стряпчий все же не казался ископаемым. Возможно, дело было в однообразии декораций, но у священника снова возникло странное чувство, что скорее это его самого перенесли в начало девятнадцатого века, чем стряпчий дотянул до начала двадцатого. Его воротник и шейный платок, в который он прятал длинный подбородок, выглядели почти как старинное жабо, но они были чистые и аккуратно скроенные, да и вообще он производил впечатление сильно высушенного старого денди. Коротко говоря, он, что называется, хорошо сохранился — отчасти за счет окаменения.

Адвокат, Адмирал и даже доктор были несколько удивлены, обнаружив, что отец Браун склонен защищать пасторского сына от тех, кто оплакивал горькую долю пастора.

— Наш юный друг показался мне довольно симпатичным, — сказал он. — Он хороший рассказчик и, смею думать, хороший поэт; а миссис Малтрэверс, которая в чем в чем, а в этом разбирается, говорит, что он хороший актер.

— Очень может быть, — сказал адвокат. — Но в Поттерс-Понде, если не считать миссис Малтрэверс, больше склонны задаваться вопросом — а хороший ли он сын.

— Он хороший сын, — сказал отец Браун. — И это весьма примечательно.

— Раздери меня черт, — сказал Адмирал. — Вы хотите сказать, что он любит своего отца?

Священник помедлил с ответом, потом произнес:

— В этом я не уверен. И это тоже примечательно.

— Что, черт побери, это значит? — с флотской простотой спросил моряк.

— *Это значит*, — сказал отец Браун, — что сын говорит об отце с непримиримой обидой, но при этом с лихвой выполняет сыновние обязанности. Я побеседовал с управляющим банка, и поскольку речь шла о серьезном преступлении, которое расследует полиция, он конфиденциально сообщил мне некоторые факты. Старый пастор отошел от приходских трудов; на самом деле это никогда и не был его приход. Народ здесь довольно языческий; те, которые вообще ходят в церковь, ходят в Даттон-Аббот, меньше чем в миле отсюда. У старика нет собственных средств, но сын зарабатывает неплохие деньги, и старик не бедствует. Пастор угостил меня портвейном, и это был урожай одного из лучших лет; я видел целые ряды пыльных старых бутылок; а когда я уходил, он усаживался за скромный, но весьма изысканный обед в старосветском духе. Все это, видимо, на деньги молодого человека.

— Какой образцовый сын, — с легкой ухмылкой сказал Карвер.

Отец Браун кивнул, нахмурясь, как будто обдумывал какую-то свою загадку, потом сказал:

— Образцовый сын, да. Хотя образец этот выглядит не очень натурально.

В эту минуту клерк принес стряпчему письмо без марки, и тот, бросив на конверт беглый взгляд, поспешно его вскрыл. Пока стряпчий разво-

рачивал бумагу, священник увидел безумные густые каракули и подпись "Феникс Фицджеральд"; он высказал догадку, и адресат утвердительно буркнул в ответ:

— Это все тот актеришка, который не дает нам покоя. У него какой-то вечный спор с другим безвестным фигляром, к делу все это не имеет решительно никакого отношения. Мы все отказываемся его принять, кроме доктора; и доктор говорит, что он сумасшедший.

— Да, — сказал отец Браун, задумчиво поджав губы. — Он, пожалуй, сумасшедший. Но, конечно, нет никакого сомнения в том, что он прав.

— Прав? — возопил Карвер. — Прав в чем?

— В том, что преступление связано с театральной труппой, — сказал отец Браун. — Знаете, что меня сразу же насторожило в этой истории? Мысль о том, будто Малтрэверс был убит сельскими жителями за то, что оскорбил их сельскую честь. Удивительно, чего только не наплетут коронеры доверчивым присяжным; а уж как легковерны газетчики — об этом и говорить излишне. Много ли они знают об английских селянах? Я вот сам английский селянин — по крайней мере, растили меня в Эссексе, вместе с прочей брюквой. Вы можете представить себе, чтобы английский сельский труженик идеализировал и превозносил свою деревню, подобно гражданину греческого полиса? Чтобы он обнажал меч для защиты ее священного знамени, подобно гвельфам и гибеллинам средневекового итальянского городка? Вы слышали когда-нибудь, чтобы добродушный

старый хрыч говорил “Только кровь может смыть пятно с благородного герба Поттерс-Понда”? Клянусь святым Георгием и драконом, я бы первый поразился. Но есть и другой, более веский аргумент.

Он помолчал, как бы собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Последние слова, которые слышали от Малтрэверса, были неверно поняты. Он не называл Поттерс-Понд мерзостью и не критиковал неполютые сады, заросшие бурьяном. Он разговаривал с другим актером; они собирались устроить представление с Фицджеральдом в роли Фортинбраса, неизвестным Хэнкином в роли Полония, а Малтрэверс, несомненно, должен был играть самого принца Датского. Возможно, кто-то еще хотел — или надеялся — получить эту роль, и Малтрэверс, специально чтобы подразнить товарищей, стал при них декламировать монолог. Вот этот: “О мерзость! Как невыполотый сад, дай волю травам, зарастет бурьяном...”^{*} Это, видите ли, цитата из “Гамлета”.

Доктор Малборо устался на священника, переваривая только что услышанное медленно, но без сопротивления. Прежде чем остальные обрели дар речи, он сказал:

— И что же вы предлагаете нам теперь делать?

Отец Браун быстро поднялся и с неизменным спокойствием ответил:

— Если милостивые господа нас ненадолго извинят, я бы немедленно отправился с вами, доктор, прямоком к Хорнерам. Я знаю, что пастор

и его сын сейчас оба дома. И вот что я хочу сделать. Никто в деревне, я полагаю, еще не слышал о результатах вскрытия. Я хочу, чтобы вы, доктор, сообщили пастору и его сыну, как в точности обстоят дела; что Малтрэверс умер от яда, а не от удара по голове.

У доктора Малборо были причины пересмотреть свои сомнения в примечательности Поттерс-Понда. Последовавшая сцена, в ходе которой он выполнил предписания священника, относилась к числу тех, когда свидетели, что называется, не могут поверить собственным глазам.

Черная сутана преподобного Сэмюэла Хорнера эффектно подчеркивала благородную седину его волос; он облокотился о пюпитр, возле которого так часто стоял, углубившись в Писание, — возможно, по случайности, но вид от этого у него был важный. А напротив него развалился в кресле мятежный сын. Он с самым кислым видом курил дешевую сигарету и являл собой живую картину юношеской нечестивости.

Старик учтиво пригласил отца Брауна присесть. Тот уселся, ничего не говоря, и с отсутствующим видом устался в потолок. У Малборо возникло ощущение, что важные вести покажутся еще важнее, если он доложит о них стоя.

— У меня есть чувство, — сказал он, — что вы, будучи некоторым образом духовным отцом здешней паствы, должны узнать, что в ужасной трагедии, совершившейся во вверенном вам приходе, появились новые подробности — возможно, еще более ужасные. Вы, конечно,

^{*} Перевод Б. Пастернака. Акт I, сцена II.

помните прискорбную гибель Малтрэверса, который, как установило дознание, погиб от удара палкой, предположительно нанесенного неизвестным недоброжелателем из местных.

Пастор взмахнул рукой.

— Упаси меня Господь, — сказал он, — вымолвить хоть слово в оправдание убийства и насилия. Однако ж когда актер, по своей природе человек падший, является в такую невинную деревню, он навлекает на себя гнев Божий.

— Не исключено, — серьезно отозвался доктор. — Тем не менее гнев был явлен иным способом. Я только что провел вскрытие тела и могу вас уверить, что, во-первых,

— *Что вы делаете? — вскричал Малборо, потрясенный этой сценой и самим звуком удара. — Отец Браун, что этот безумец делает?*

удар по голове никак не мог причинить смерть, а во-вторых, труп был полон яда и вот он-то, безусловно, оказался смертелен.

Молодой Харрел Хорнер отшвырнул сигарету и вскочил с быстротой и легкостью кошки. Он подпрыгнул так энергично, что оказался в яре от пюпитра.

— Вы уверены? — выдохнул он. — Вы абсолютно уверены, что удар не мог причинить смерть?

— Абсолютно уверен, — сказал доктор.

— Ну что ж, — сказал Харрел, — жалко, что вот этот не причинит.

В мгновение ока — никто и пальцем не успел шевельнуть — он с размаху ударил пастора по лицу, и тот отлетел к двери, словно черная марионетка.

— Что вы делаете? — вскричал Малборо, потрясенный этой сценой и самим звуком удара. — Отец Браун, что этот безумец делает?

Но отец Браун не пошевелился; он по-прежнему безмятежно глядел в потолок.

— Я ожидал, что он так поступит, — невозмутимо сказал священник. — Странно, что он не сделал этого раньше.

— Боже праведный! — воскликнул доктор. — Да, с ним, быть может, поступили несправедливо — но ударить отца, ударить пастора, безоружного...

— Он не ударил ни отца, ни пастора, — сказал отец Браун. — Он ударил мерзкого актера-шантажиста, перодетого пастором, который, как пиявка, сосет из него соки уже несколько лет. Он понял, что свободен от шантажа, и не сдержался — не могу сказать, что готов его строго судить за это. Особенно если учесть, что наш шантажист может оказаться еще и отравителем. Я думаю, Малборо, пора позвонить в полицию.

Они направились к выходу, и хозяева их не удерживали — один был ошеломлен и оглушен, другой пока ничего не видел вокруг, задыхаясь от облегчения и ярости. Но, проходя мимо Харрела Хорнера, отец Браун обернулся к нему — и молодой человек стал одним из тех немногих, кому довелось увидеть на этом лице неумолимое выражение.

— А ведь он прав, — сказал отец Браун. — Когда падший актер является в невинную деревню, он навлекает на себя Божий гнев.

— Ну что ж, — сказал отец Браун, когда они с доктором снова устроились в вагоне поезда, стоящего на станции Поттерс-Понд. — Это и в самом деле странная история, но, по-моему, уже не загадочная. Мне кажется, что события развивались примерно так. Малтрэверс приехал сюда с частью гастролирующей труппы; остальные отправились прямиком в Даттон-Аббот, где ставили какую-то мелодраму из времен Регентства, и он так и остался в своем сценическом костюме, весьма приметном наряде тогдашнего денди. Другой играл викария, и его черное одеяние было не столь приметным и могло сойти просто за старомодное. У этого актера было амплу старика — прежде он играл Шейлока, а потом должен был играть Полония.

Третий персонаж драмы — наш поэт-драматург, который был еще и актером-трагиком. Он повздорил с Малтрэверсом о трактовке роли Гамлета — а еще больше по другому, личному поводу. Мне кажется вероятным, что он уже тогда был влюблен в миссис Малтрэверс; не думаю, что у них были зловещие планы, и надеюсь, что теперь у них планы самые радужные. Но вполне возможно, что юношу возмущало отношение Малтрэверса к жене — тот был человек несдержанный и склонный к вспышкам гнева. Когда он стал декламировать монолог, поэт не выдержал, произошла ссора, ссора переросла в драку

на палках, поэт со всей силы ударил Малтрэверса по голове — и после дознания искренне полагал, что зашиб его насмерть.

Некто третий присутствовал при этом происшествии или знал о нем — тот актер, что играл старого vicария; он принялся шантажировать молодого человека, вытягивая из него деньги, чтобы безбедно жить под личиной ушедшего на покой пастора. Для подобного человека в подобных обстоятельствах это был самый простой маскарад — достаточно не снимать сценический костюм. Но у него были и свои причины уйти на покой и даже лечь на дно. Ибо истинная история смерти Малтрэверса такова. Он скатился в густые заросли папоротника, через некоторое время пришел в себя, попытался дойти до дома, но в конце концов отдал Богу душу — не из-за удара, а потому что добрый пастор за час до того напоил его ядом — вероятно, подмешав его в стакан с портвейном. Эта мысль пришла мне в голову, когда добрый пастор угощал портвейном меня. Честно признаться, я немного нервничал. Полиция сейчас разбирается с этой гипотезой, но смогут ли они ее доказать — не знаю. Истинный мотив им тоже еще предстоит найти, но понятно, что в трупке кипели страсти и что Малтрэверса сильно не любили.

— Полиция-то теперь что-нибудь сможет раскопать, когда у них есть подозреваемый, — сказал доктор Малборо. — Чего я не понимаю — как у вас вообще появилось подозрение? С какой стати вы заподозрили столь безупречного джентльмена в сутане?

Отец Браун улыбнулся.

— Пожалуй, — сказал он, — это требовало специальных знаний. Почти профессиональных, хотя в необычном смысле. Вы знаете, что мы часто жалуемся на страшное невежество во всем, что касается нашей религии. Но все гораздо забавнее. В самом деле, Англия мало знает о римской церкви — и это не так уж удивительно. Но Англия мало знает и об англиканской церкви. Даже меньше, чем я. Вы удивитесь, как плохо публика понимает внутренние англиканские противоречия; множество народу, в сущности, не представляет, что такое Высокая церковь и Низкая церковь, не понимает, в чем разница даже в их обиходе, не говоря уж об исторических и философских концепциях, которые стоят за каждым из направлений. Это невежество проявляется в каждой газете, в каждом популярном романе или пьесе.

Первое, что меня поразило, — как все перепутано в голове у почтенного духовного лица. Чтобы англиканский пастор так заблуждался насчет всего англиканского! Он вроде бы слыл за старого тори, представителя Высокой церкви, и при этом называл себя пуританином. Такой человек в личных пристрастиях вполне может питать склонность к пуританству, но он никогда не назовет это таким словом. Подмостки приводили его в ужас — он не знал, что в Высокой церкви такая театрофобия не слишком распространена, в отличие от Низкой церкви. Он говорил о дне субботнем как истинный пуританин, а в комнате держал распятие. Очевидно, он понятия не имел, как должен себя вести благочестивый пастор, и

пошел по самому простому пути: был торжествен, суров и обличал мирские утехы.

Все это время я как будто что-то припоминал, и наконец меня осенило. Это пастор из пьесы. Это в точности такой плохо прописанный почтенный старый глупец, которого мог придумать популярный драматург или актер старой школы, если уж им пришлось бы придумывать нечто столь нелепое, как набожный человек.

— Не говоря уж о медике старой школы, — добродушно сказал Малборо, — который и вовсе ничего не знает о набожности.

— Вообще-то, — продолжил отец Браун, — для подозрения была и другая причина — более простая и явная. Она касается Темной Леди из Грэнджа, которую считали деревенским вампиром.

У меня довольно быстро сформировалось мнение, что эта дама — не столько темное пятно на репутации деревни, сколько луч света. К ней относились как к загадке, но ничего загадочного в ней не было. Она приехала туда совсем недавно, совершенно открыто, под собственным именем, чтобы помочь расследованию в связи с гибелью мужа. Он не очень-то хорошо к ней относился, но у нее были принципы, которые заставляли отдавать дань брачным обетам и правосудию. По той же причине она осталась жить в доме, возле которого был найден мертвым ее супруг. Помимо Деревенской Вампириши был еще один явно невиновный человек:

Беспутный Сын. Он тоже не скрывал своей профессии и прежней связи с актерским сословием. Вот почему его я подозревал меньше, чем его отца. Но вы, конечно, уже сами догадались, какова была настоящая и самая важная причина для подозрений в адрес пастора.

— Да, я, пожалуй, понял, — сказал доктор, — вы ведь поэтому вспомнили про актрису.

— Да, я имею в виду его фанатичное нежелание видеть актрису, — сказал священник. — Дело вовсе не в том, что он не желал видеть ее. Он боялся, что она его увидит.

— Да, понимаю, — согласился его собеседник.

— Если бы она увидела преподобного Сэмюэла Хорнера, она мигом узнала бы совершенно непреподобного актера Хэнкина, переодетого пастором и при этом вынашивающего коварные планы под своей сутаной. Что ж, вот мы и разобрались в этой простой деревенской идиллии. Вы не станете отрицать, что я сдержал слово — я показал вам, что в деревне есть кое-что гораздо более злое, чем труп, и даже чем труп, нафаршированный ядом. Черные одежды пастора, нафаршированные шантажистом, тоже заслуживают внимания — и мой живой человек куда смертоноснее, чем ваш мертвец.

— И правда, — сказал доктор, устраиваясь поудобнее среди подушек, — если выбирать приятную компанию для поездки по железной дороге, я предпочту мертвеца.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ **ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА**

Главный редактор Варвара Горностаева
Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanС" и "FranklinGothicС"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

